

Пределная насыщенность, энергия стиля, в нескольких строчках вся суть. Вместо фетовского: «...товарищ мой, первейший из друзей, с кем часто долгий день вином мы коротали», и дальше «тебя опять умчал прилив неотразимой силой»... пушкинское: «А ты, любимец первый мой, ты снова в битвах очутился». И вот Помпей радостный пирует с другом.

Фет:

И так обещанный Зевесу пир устрой
И отдыха ищи для членов утомленных
Войною долгою, под лавр сконившись мой,
Да не щади тебе бутылок обреченных.
Массийской влагою разымчивой щедрей
Фиалы светлые наполни...

Ведро упоминались уже на античном пиру, здесь вместо ведер «бутылки». У Пушкина же точное знание римских реалий и выразительная краткость.

Садись под сень моих пенатов (нет утомленных членов. — Н. В.)
Давайте чаши (не ведра): не жалея
Ни вин моих, ни ароматов...
.....
Теперь некстати воздержанье,
Как дикий скиф хочу я пить.

Фет же и здесь ввертывает непонятное слово: «со мной теперь любой эдонец».

Каковы же выводы? Римский классицизм со своей сжатостью, лаконизмом и великолепным стилистическим и лирическим мастерством оказался чужд лирику Фету. Он прозаизировал текст, наводнил его рифмами, не понял, да и не знал многих исторических реалий, которые должен знать переводчик древнего автора. Но самое интересное в том, что блистательный лирик А. А. Фет — гордость русской поэзии — оказался бессильным перед поэзией, резко отличной от его по-своему гениальной Музы и, по существу, не смог одолеть барьер.